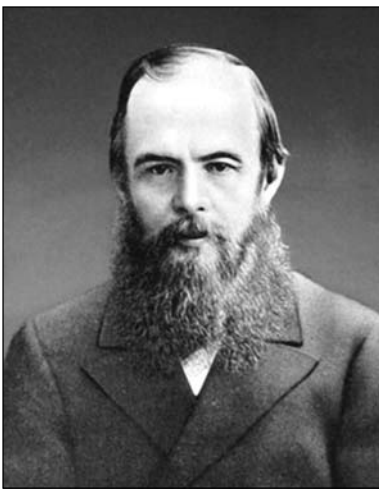

января 1881 года из Отделения по охране общественного порядка и спокойствия в Санкт-Петербурге, находившегося в подчинении Санкт-Петербургского Градоначальника, в Санкт-Петербургское Губернское Жандармское Управление поступило донесение с грифом «Секретно» за № 1273 следующего содержания:

«В квартиру № 18 дома № 38 по Казанской улице, за которой имеется наблюдение, явился вчера, как это известно лично г. Начальнику С.-Петербургского Губернского Жандармского Управления, молодой человек, назвавший себя Потомственным Почетным Гражданином Георгием Ивановичем Алафузовым, отказавшийся указать в С.-Петербурге лиц, знающих и могущих его удостоверить.

Сообщая об изложенном Жандармскому Управлению, Секретное Отделение имеет честь направить в Управление назвавшегося Алафузовым на зависящее распоряжение. Причем препровождаются составленные о названной личности два протокола, с приложениями к одному из них, а равно оказавшиеся при нем деньги кредитными билетами пятьдесят восемь рублей, кожаный портмоне, золотые дамские часы с цепочкою, золотой карандашик, записная книжка, перочинный ножик и различные газеты в особом пакете.

*Начальник Секретного Отделения
Фурсов».*

Федор Михайлович Достоевский

В Секретном отделении Алафузов провел несколько часов. На допросе он заявил, что кроме его невесты и ее родственников, «которых он назвать не желает», его в Северной столице никто не знает и потому удостоверить его личность не может. На вопрос, по какому адресу Алафузов проживает в Санкт-Петербурге, последний не стал скрывать своего места жительства, полагая, что Санкт-Петербургское губернское жандармское управление легко установит его через адресный стол.

Но, возможно, была и другая причина. Когда Алафузов сказал, что проживает в квартире № 11 дома № 5-2 по Кузнечному переулку и Ямской улицы, удивлению жандармов не было предела. Даже самый ленивый жандарм Санкт-Петербурга не мог не знать этого дома. В квартире № 10 в доме № 5-2 по Кузнечному переулку и Ямской улицы с октября 1878 года проживал с семьей и прислугой известный российский писатель Федор Михайлович Достоевский.

Из письма Ф.М. Достоевского младшему брату Николаю: «Мы уже с неделю как приехали из Старой Руссы. Квартиру наняли на углу Ямской и Кузнечного переулков (близ Владимирской церкви) дом 2-й и 5-й, квартира № 10».

Переехали Достоевские со старой квартиры на Греческом проспекте, 5 после смерти младшего сына писателя Алексея.

«16 мая 1878, — писала жена писателя Анна Григорьевна Достоевская, — нашу семью поразило страшное несчастье: скончался наш младший сын Леша».

Смерть трехлетнего мальчика была настолько внезапной, что потрясла Достоевского. В квартире на Греческом все напоминало умершего сына. Федор Михайлович дал имя своего младшего сына любимому герою романа «Братья Карамазовы», не зная, что эта книга станет для него последней.

5 октября 1878 года после возвращения из Старой Руссы Достоевские въехали в новую квартиру. Анна Григорьевна вспоминала: «Квартира наша состояла из шести комнат, громадной кладовой для книг, передней и кухни и находилась во втором этаже. Семь окон выходили на Кузнечный переулок...»

Алафузов, как установила полиция, оказался соседом автора романа «Братья Карамазовы». Роман вышел отдельным изданием накануне Рождества, бойко продавался в книжных лавках Санкт-Петербурга.

В Санкт-Петербургских газетах появилось объявление: «9-го декабря вышел в свет отдельным изданием роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». Два тома 76 печатных листов. Цена 5 р. Г.г. иногородние, выписывающие от автора (СПб, Кузнечный пер., д. 5, книжная торговля для иногородных Ф.М. Достоевского), пользуются бесплатной пересылкою».

Взыскательные читатели ждали отдельное издание романа. На протяжении 1879 и 1880 годов «Братья Карамазовы» печатались в журнале «Русский вестник». «Эпilog» романа Достоевский передал главному редактору в начале ноября, и он был напечатан в одиннадцатом номере «Русского вестника» за 1880 год.

«Это было... — вспоминала Анна Григорьевна, — последнее радостное событие в его столь богатой всяческими невзгодами жизни».

Немного ранее, до объявления в газетах, 8 ноября 1880 года Достоевский напишет известному публицисту «Русского вестника» Н.А. Любимову (1827–1898): «Ну вот и кончен роман! Работал его три года, печатал два — знаменательная для меня минута».

К Рождеству хочу выпустить отдельное издание. Ужасно спрашивают, и здесь, и книгопродавцы по России; присылают уже деньги».

Издательскими делами произведений мужа занималась Анна Григорьевна, а с 1873 года в особенности. В тот год Достоевский подарил ей литературные права на все свои произведения. Федор Михайлович прекрасно понимал, что в случае его смерти у жены и его несовершеннолетних детей останутся лишь права на издание. Других источников существования у Достоевского не было. Он всю жизнь зарабатывал только литературным трудом. Заработок доставался ему нелегко.

В одном из писем Федору Михайлович напишет жене о результатах переговоров в «Русском вестнике» по поводу предстоящей публикации еще не написанных «Братьев Карамазовых»: «Мне 250 р. не могли сразу решиться дать, а Л. Толстому 500 заплатили с готовностью! Нет, уж слишком меня низко ценят, а оттого что работой живу».

Главный редактор М.Н. Катков (1821–1887) и его помощник по редакции Н.А. Любимов не церемонились с Достоевским и заплатили автору за один печатный лист «Братьев Карамазовых» по 250 рублей, а гордому и независимому Л. Толстому за один печатный лист «Анны Карениной» — по 500 рублей.

В семье Достоевских и этому гонорару были рады. Анна Григорьевна внимательно следила за тем, как расходуется роман «Братья Карамазовы», надеялась продажей отдельного издания поправить финансовые дела.

«Расходится роман очень быстро, — писал племянник А. А. Достоевский своему отцу в Ярославль, — уже продано на три тысячи рублей (в четыре дня); все же издание в четыре тысячи экземпляров обошлось в четыре тысячи рублей, так что скоро книга будет продаваться в чистый барыш. Анна Григорьевна рассчитывает получить чистого барыша десять тысяч рублей, — конечно, если все издание будет распродано...»

В коммерческом успехе «Братьев Карамазовых» в семье никто не сомневался. Роман вышел без услуг издательских посредников. Анна Григорьевна сама ходила в типографию, договаривалась с наборщиками, метранпажем и печатниками об условиях оплаты, читала корректуру, вносила авторские исправления. Предполагаемая выручка за книгу в десять тысяч рублей — почти сказочная. Когда-то Достоевский мечтал о сумме капитала в шесть тысяч рублей.

Со дня выхода «Братьев Карамазовых» его автору оставалось жить пятьдесят дней. За это время Федору Михайловичу так и не довелось прочитать сколько-нибудь серьезный разбор его последнего романа. Столичная пресса писала о романе, но оценки газетчиков сдержанные, с умеренным недовольством.

«Г. Достоевский... весьма и весьма крупный талант, — писала «Неделя», — между тем его «Братья Карамазовы» совсем не удались, хотя прекрасных частных в них много. Это потому, что они сами, при всей их обширности, представляют лишь частность; что не захвачен в них внутренний смысл жизни, во всей его полноте и разносторонности; что они полны обличений и горьких укоров, русского же современного человека касается лишь слегка».

Если столичные газеты были сдержаны в оценках романа Достоевского, то совершенно по-другому вела себя публика на встречах с писателем. 14 декабря 1880 года писатель принял участие в вечере «в пользу Бестужевских курсов», так как без него «он положительно немислим в смысле сбора». В первом отделении Федор Михайлович читал «Пророка» Пушкина. Его собственный рассказ «Мальчик у Христа на елке» Ф.М. Достоевский доверил читать Д.В. Григоровичу (1822–1899/1900), автору антикрепостнических повестей «Деревня», «Антон-Горемыка». «Гуттаперчевого мальчика», принесшего всероссийскую известность автору, Григорович напишет после смерти Достоевского. Во втором отделении Федор Михайлович вместе с Дмитрием Васильевичем читали сцену из «Женитьбы» Гоголя, причем роль Подколесина взял на себя Достоевский, а Кочкарева — Григорович. Чистый сбор от вечера составил 1800 рублей.

С Григоровичем Достоевский подружился еще в Главном инженерном училище, куда Федор Михайлович поступил в 1837 году. Там же, в Инженерном, учился и Григорович.

«Сближение мое с Ф.М. Достоевским, — рассказывал Григорович, — началось едва ли не с первого дня его поступления в училище... Ему радостно было встретить во мне знакомого в кругу чужих лиц, не упускавших случая грубо, дерзко придрататься к новичку. Федор Михайлович уже тогда выказывал черты необщительности, сторонился, не принимал участия в играх, сидел, углубившись в книгу, и искал уединенного места; вскоре нашлось такое место и надолго стало его любимым: глубокий угол четвертой камеры с окном, смотревшим на Фонтанку; в рекреационное время его всегда можно было найти там, и всегда с книгой».

Позднее Григорович напишет: «...Я не ограничился привязанностью к Достоевскому, но совершенно подчинился его влиянию. Оно, надо сказать, было для меня в то время в высшей степени благотворно. Достоевский во всех отношениях был выше меня по развитости; его начитанность изумляла меня. То, что сообщал он о сочинениях писателей, имя которых я никогда не слышал, было для меня откровением. До него я и большинство остальных наших товарищей читали специальные учебники и лекции, и не только потому, что посторонние книги запрещалось вносить в училище, но и вследствие общего равнодушия к литературе».

Достоевский и Григорович остались друзьями на всю жизнь. Григорович всегда был самым желанным гостем семейства Достоевских. И потому Федор Михайлович, когда его приглашали на вечера, неизменно спрашивал: «А Дмитрий Васильевич Григорович будет?»

«Современные известия» писали: «Вечер открылся чтением нашего талантливого романиста-психолога, уважаемого Федора Михайловича Достоевского. Трудно и даже невозможно передать словами впечатление, произведенное на публику мастерски-художественным, живым чтением романиста эпилога из своих “Карамазовых”. То стоны и вопли, то слезы радости, то страшная ненависть и христианское смирение, то, наконец, искреннее раскаяние слышались в голосе лектора, сумевшего неподражаемо передать все психологическое движение человека. Нечего, конечно, и говорить о том, что г. Достоевский удостоился самых шумных оваций; ему поднесли лавровый венок...»

Писатель удостоился оваций после чтения главы «Похороны Илюшечки». Немногие присутствовавшие на том вечере знали, а возможно, и вовсе не предполагали, что в этой главе Достоевский описал похороны своего младшего сына Алеши. Сердце замирало, когда он произносил со сцены уменьшительно-ласкательные слова: «Алеша вошел в комнату. В голубом, убранном белым рюшем гробе лежал, сложив ручки и закрыв глазки, Илюша. Черты исхудалого лица его совсем почти не изменились, и, странно, от трупa почти не было запаха. Выражение лица было серьезное и как бы задумчивое. Особенно хороши были руки, сложенные накрест, точно вырезанные из мрамора.. В руки ему вложили цветов, да и весь гроб был уже убран снаружи и внутри цветами, присланными чем свет от Лизы Хохлаковой... Дети подняли гроб, но, пронося мимо матери, остановились перед ней на минутку и опустили его, чтоб она могла с Илюшей проститься. Но, увидев вдруг дорогое личико вблизи, на которое все три дня смотрела лишь с некоторого расстояния, она вдруг затряслась и начала истерически дергать над гробом своею седою головой взад и вперед...»

Заключительные строки романа «Братья Карамазовы» Достоевский читал, по воспоминаниям современников, эмоционально, искренне, напряжение в его голосе в сцене клятвы друзей Илюшечки Карамазова нарастало с каждым новым словом. И в то же время его чтение оставляло в сердцах слушателей что-то светлое, возвышенное:

«— Будем помнить и лицо его, и платье его, и бедненькие сапожки его, и гробик его, и несчастного грешного отца его, и о том, как он смело один восстал на весь класс за него!

— Будем, будем помнить! — прокричали опять мальчишки, — он был храбрый, он был добрый!

— Ах, как я любил его! — воскликнул Коля.

— Ах, деточки, ах, милые друзья, не бойтесь жизни! Как хороша жизнь, когда что-нибудь сделаешь хорошее и правдивое!

— Да, да, — восторженно повторили мальчишки.

— Карамазов, мы вас любим! — воскликнул неудержимо один голос, кажется Карташова.

— Мы вас любим, мы вас любим, — подхватили и все. У многих сверкали на глазах слезинки.

— Ура Карамазову! — восторженно провозгласил Коля.

— И вечная память мертвому мальчику! — с чувством прибавил опять Алеша.

— Вечная память! — подхватили снова мальчишки.

— Карамазов! — крикнул Коля, — неужели и взаправду религия говорит, что мы все встанем из мертвых и оживем и увидим опять друг друга, и всех, и Илюшечку?

— Непременно встанем, непременно увидим и весело, радостно расскажем друг другу все, что было, — полусмеясь, полу в восторге ответил Алеша.

— Ах, как это будет хорошо! — вырвалось у Коли.

— Ну, а теперь кончим речи и пойдёмте на его поминки. Не смущайтесь, что блины будем есть. Это ведь старинное, вечное, и тут есть хорошее, — засмеялся Алеша. — Ну пойдёмте же! Вот мы теперь и идем рука в руку.

— И вечно так, всю жизнь рука в руку! Ура Карамазову! — еще раз восторженно прокричал Коля, и еще раз все мальчишки подхватили его восклицание».

В первых числах января 1881 года «Неделя» была особенно откровенна с читателями: «Кого, наконец, — если обратиться не к профессорам, а к писателям — продолжает особенно любить молодежь, как не Ф.М. Достоевского, несмотря на то, что его давно преследует ярою бранью значительная часть так называемой «либеральной» прессы. Молодежь (по крайней мере у нас здесь) продолжает буквально носить Достоевского на руках, как это недавно произошло на вечере у студентов-технологов...»

Поэт Иннокентий Анненский вспоминал, как Достоевский «поспешно» выходил на сцену; «останавливался у самого края, шага этак за три от входа, — как сейчас вижу его мешковатый сюртук, сутулую фигуру и скуластое лицо с редкой и светлой бородой и глубокими глазницами, — и голосом, которому самая осиплость придавала нутряной и зловещий оттенок, читал, немного торопясь и как бы про себя, знаменитую оду».

Цесаревич, будущий Александр III (1845–1894) тоже был в числе почитателей писательского таланта Достоевского. В приглашении Федору Михайловичу посетить цесаревича и его супругу обер-прокурор святейшего синода К.П. Победоносцев (1827–1907) напишет: «Великий Князь ожидал выхода целой книги, чтобы начать чтение, ибо не любит читать по кусочкам».

Федор Михайлович откликнулся на приглашение посетить Аничков дворец не сразу, так как «не находилось приличествующего случаю переплета». В XIX веке, как известно, книги издавались и продавались в печатных листах. Переплет заказывался отдельно. И стоил он довольно дорого. Как только книга была переплетена, Достоевский дал знать Победоносцеву. 16 декабря 1880 года Федор Михайлович посетил Аничков дворец, где был принят наследником престола и его супругой, и лично подарил роман «Братья Карамазовы» Великому князю Александру Александровичу.

О том, как принимали Достоевского на самом высоком уровне, узнаем из рассказа дочери писателя Любови Федоровны: «Его и Ее Высочества приняли его вместе и были

восхитительно любезны по отношению к моему отцу. Очень характерно, что Достоевский, который в этот период жизни был самым милым монархистом, не хотел подчиняться этикету двора и вел себя во дворце, как он привык вести себя в салонах своих друзей. Он говорил первым, вставал, когда находил, что разговор длился достаточно долго, и, простившись с цесаревной и ее супругом, покидал комнату так, как он это делал всегда, повернувшись спиной...»

Январь 1881 года — последний месяц жизни Достоевского — прошел в ежедневных хлопотах. Федор Михайлович напряженно работал над подготовкой отдельным изданием «Дневника писателя». Торопился, хотел, чтобы он был напечатан 31 января. В пятницу, 23 января, между Федором Михайловичем и Анной Григорьевной состоялся разговор о будущем лете. Достоевский рассчитывал, что за «Братьев Карамазовых» и «Дневник писателя» выручит двенадцать — пятнадцать тысяч рублей. За эти деньги можно имение купить под Москвой.

«Ну, так я поеду в Эмс, а ты поедешь в имение и будешь там хозяйничать и проживем до осени, а там сюда. Ты и дети отлично поправитесь», — скажет Федор Михайлович жене.

Из воспоминаний Анны Григорьевны о Федоре Михайловиче: «Всегда мечтал об имении, но непременно спрашивал: есть ли лес. На пахоту и луга не обращал внимания, а лес, хотя бы и небольшой, в его глазах составлял главное богатство имения... Не любил дуба, а любил лиственный лес, не расчищенный, а скорее запущенный, разросшийся».

...Но вернемся к событиям 25 января, когда, как явствует из донесения начальника Секретного отделения Фурсова, был арестован молодой человек 26 лет, представившийся полиции «Потомственным Почетным Гражданином города Ставрополя Георгием Ивановичем Алафузовым», и на поверку оказавшийся соседом Достоевского.

Из постановления Секретного отделения С.-Петербургского Градоначальника: «<...> Передать его, Алфузова, по месту объявленного им жительства по Кузнечному переулку и Ямской улицы, дом № 5-2 для личного осмотра его имущества, истребования письменного вида, по которому называющий себя Алафузовым прибыл в Петербург, для проверки такового, и затем возвращения со всем оказавшимся в Секретное Отделение для дальнейшего распоряжения».

Постановление № 25 от 25 января 1881 года об обыске на квартире № 11 в доме № 2/5 на углу Кузнечного переулка и Ямской улицы подписал подполковник А. Никольский. В документе сказано, что обыск у Алафузова назначается именно на основании подозрения, что он не кто иной, как Александр Иванович Баранников.

Протокол № 83

1881 года Января 25-го дня, я, Отдельного Корпуса Жандармов Маиор Кузьмин, вследствие предписания Начальника С.-Петербургского Губернского Жандармского Управления от 25-го сего Января месяца за № 180 прибыв во 2-й участок Московской части, в дом № 2/5 на углу Кузнечного переулка и Ямской улицы, в квартиру № 11, нанимаемую Московской мещанкою Марию Николаевую Прибыловую, состоящую из семи меблированных комнат, из числа коих за № 1 нанимает Потомственный Почетный Гражданин Георгий Иванович Алафузов, — совместно с Товарищем Прокурора С.-Петербургского Окружного Суда Н. М. Богдановичем, в присутствии местного пристава Надворного Советника Надежина, содержательницы меблированных комнат, ниже подписавшихся понятых и Георгия Иванова Алафузова произвели в имуществе последнего, на основании закона 19 мая 1871 года, тщательный обыск, по коему ничего преступного и относящегося к делу не найдено, но признано необходимым отобрать для соображения с делом нижеследующие предметы: 1) Свидетельство на жительство, выданное Потомственному Почетному Гражданину Георгию Иванову Алафузову из Ставропольской Городской Управы от 24 марта 1876 года № 1146. 2) Две фотографические карточки

Алафузова и одна такая же карточка с какой-то женщины. 3) Пузырек с каким-то лекарством и принадлежащей к нему сигнатурой на имя Господина Попова. 4) Два новых платка с вензелевыми метками А.Г. и другая, по-видимому, А.К. 5) Серебряная чайная ложка с вензелем М.О., завернутая в газетную бумагу с надетым на нее обручальным золотым кольцом и 6) Записная книжка на 1880 год. Постановил: о выше изложенном заключить настоящий протокол за подписом всех присутствующих лиц.

Маиор Кузьмин

Товарищ Прокурора Н. Богданович

Пристав 2-й Московской части Надежин

Мария Николаевна Прибылова

Дворник понятой Яков <Иевлев>

при доме по Кузнечному переулку д. № 9

Дворник Трофим Скрипин <1 нрб.>

при доме № 5/2 на углу Кузнечного

переулка и Ямской улицы

Потомственный Почетный Гражданин

Георгий Алафузов.

Вчитываясь в эти документы, исследователи отмечали одну странность. Нет, речь идет не о грамматических ошибках, хотя они тоже обращают на себя внимание. Майор Кузьмин по аналогии с правописанием своей фамилии напишет наименование переулка тоже с мягким знаком: «на углу Кузнечного...». Документ, в котором сообщалось о задержании Алафузова на квартире № 18 дома № 38 по Казанской улице, составлен начальником Секретного отделения Фурсовым 26 января. А обыск на квартире № 11 дома № 5-2 на углу Кузнечного переулка и Ямской улицы, где, как установило С.-Петербургское губернское жандармское управление, проживал Алафузов, проведен якобы 25 января.

26 января 1881 года министр внутренних дел России М.Т. Лорис-Меликов (1825–1888), до 6 августа 1880 года исполнявший обязанности начальника Верховной распорядительной комиссии с чрезвычайными полномочиями, направил Александру II доклад. Сообщив об аресте Агатескулова, «оказавшегося в действительности евреем Фриденсоном», и о задержании на его квартире Алафузова, Михаил Тариелович написал, что на квартире самого Алафузова были найдены фотографические карточки жильца, причем обнаружилось сходство «с давно разыскиваемым, известным Вашему Величеству по имени путивльским дворянином Александром Ивановичем Баранниковым (он же Тюриков и Кошурников)».

Фотографии, обнаруженные при обыске Алафузова, полиция предъявила заключенному Ивану Окладскому, в прошлом рабочему, который проходил по «делу 16-ти», осужденному в ноябре 1880 года. Он признал их сходство с Александром Баранниковым, членом Исполнительного комитета «Народной воли».

Из протокола следует, что для установления личности задержанного на квартире № 18 дома № 38 по Казанской улице гражданина, «назвавшегося Потомственным Почетным Гражданином гор. Ставрополя Г.И. Алафузовым», «Окладский был доставлен из крепости и по указанию ему задержанного лица, незаметно для последнего, вновь подтвердил несомненное тождество его с Баранниковым».

Полиция устроила засаду в квартире № 18 дома № 38 по Казанской улице неслучайно. Жандармы искали государственного преступника Н.И. Кибальчича (1853–1881), который, как выяснилось, проживал летом 1880 года в Санкт-Петербурге по паспорту на имя Агатескулова. 24 января 1881 года на очередной полицейский запрос из городского адресного стола пришел ответ, что Агатескулов проживает в столице по адресу: улица Казанская, дом № 38, квартира № 18.

Из постановления Секретного отделения С.-Петербургского градоначальника:

«...если ныне по виду Агатекулова проживает не Кибальчик, то лицо настолько близкое к нему, что имело возможность получить от него вид, а потому <...> сего же числа произвести обыск в квартире № 18 <...> с лицами, застигнутыми в этой квартире, поступить по результатам обыска».

Подполковник Отдельного корпуса жандармов А. Никольский и товарищ прокурора Петербургской судебной палаты Н. Богданович нагрянули в квартиру № 18 дома № 38 по Казанской улице после полуночи. Часы показывали 2 часа 30 минут нового дня 25 января 1881 года. Обнаруженный в квартире жилец не имел ни малейшего сходства с разыскиваемым Кибальчиком. Однако при нем оказался паспорт Агатекулова. И проживал по нему купеческий сын Григорий Михайлович Фриденсон, 26 лет от роду. И все же жандармам повезло: при обыске в квартире, в которой проживал Агатекулов (Фриденсон), они обнаружили номера подпольной «Народной воли». Агатекулова (Фриденсона) повязали, подвергли, как сказано в протоколе, «личному задержанию», «без допроса ввиду позднего времени».

Но постановление, несмотря на позднее время, все же было оформлено по всем правилам полицейского сыска того времени: «...Поручить полиции иметь секретное наблюдение за обыскиваемой квартирой Агатекулова и, задержав лиц, которые явятся в квартиру Агатекулова как его знакомые, довести об этом до сведения С.-Петербургского Жандармского Управления, не останавливаясь в принятии мер к выяснению их личностей и места жительства. В то же время просить Секретное Отделение Канцелярии С.-Петербургского Градоначальника распорядиться, чтобы этот прием наблюдения за квартирами был последовательно применяем в отношении всех остальных лиц, которые будут задерживаемы на обнаруживаемых квартирах подозрительных лиц».

В эту западню и попал Георгий Иванович Алафузов. Он пришел к Агатекулову (Фриденсону) утром 25 января. Жандармы не поверили объяснениям Алафузова, но поверили найденному при нем «Свидетельству на жительство, выданному как Потомственному Почетному Гражданину Георгию Иванову Алафузову из Ставропольской Городской Управы от 24 марта 1876 года № 1146».

Подполковник Отдельного корпуса жандармов А. Никольский предположил, что перед ним другой человек, выдающий себя за Алафузова, а Свидетельство на жительство, в подлинности которого сомнений не было, принадлежало тоже другому человеку.

В январском номере газеты «Народная воля» за 1881 года был опубликован протокол № 89 от 26 января, который, как оказалось, тоже имеет прямое отношение к нашему герою: «В доме 5/2 на углу Ямской улицы и Кузнечного переуллка в квартиру № 11, где в ночь на сегодня арестован живший там сын ставропольского почетного гражданина Георгий Иванович Алафузов, сего числа в 4-м часу пополудни пришел неизвестного звания мужчина, спрашивая Алафузова, получив ответ, что его нет дома, вышел на улицу, где наблюдавший за квартирою Алафузова околоточный надзиратель Яковлев пригласил неизвестного в управление участка, по дороге куда задержанный намеревался уйти, чего сделать не допустил Яковлев. После этого неизвестный просил отпустить его, предлагал деньги. По приходе в участок неизвестный отказался объявить свое звание и место жительства, почему заключено тотчас же отправить его в Секретное Отделение. Пристав Надеждин».

Полицейские протоколы окончательно запутали читателя. Да, и «Народная воля» неверно указала место ареста Алафузова. Как же на самом деле происходили события?

В субботу, 24 января, из городского адресного стола приходит ответ на полицейский запрос о том, что в квартире № 18 дома № 38 по Казанской улице по паспорту Агатекулова проживает давно разыскиваемый государственный преступник Кибальчик. В воскресенье, 25 января, по этому адресу в 2 часа 30 минут полиция обнаружила

купеческого сына Григория Михайловича Фриденсона, живущего по паспорту Агатекулова. Утром 25 января в квартиру № 18 дома № 38 по Казанской улице явился молодой человек, назвавшийся потомственным Почетным гражданином города Ставрополя Георгием Ивановичем Алафузовым. Выяснив на допросе в Секретном отделении его настоящее место проживания, полиция устроила обыск в квартире № 11 дома 5-2 на углу Кузнечного переулка и Ямской улицы. Обыск в квартире Алафузова проходил в ночь с 25 на 26 января. Наступил новый день — 26 января, понедельник. Заработала канцелярия. И все бумаги, скорее всего, были оформлены задним числом.

К утру 26 января подполковник А. Никольский абсолютно был уверен в том, что молодой человек, назвавшийся Георгием Ивановичем Алафузовым, на самом деле был Александром Баранниковым Баранниковым.

За Александром Баранниковым жандармы охотились давно, с 1878 года, который потряс Достоевского смертью младшего сына Алеши. И для России он тоже начинался с потрясений. В январе Вера Засулич стреляла в упор из револьвера системы «бульдог» в петербургского градоначальника генерал-губернатора Ф.Ф. Трепова. 25 мая в Киеве революционерами был убит начальник Одесского жандармского управления полковник барон Г.Э. Гейкинг. В Москве от пули нападавшего погиб агент сыскальной полиции А.Г. Никонов. В киевского прокурора М.М. Котляревского стрелял Валериан Осинский. Таких потрясений Россия не знала.

В Петербурге 4 августа, около девяти часов утра, на Михайловской площади шеф жандармов и начальника III Отделения генерал-лейтенант Мезенцов, как свидетельствует архивный документ, «был... встречен неизвестным молодым человеком среднего роста, одетым в серое пальто и в очках». Молодой человек всадил предназначенный для медвежьей охоты тяжелый кинжал в живот генералу. А в рядом шедшего с генералом отставного подполковника Макарова, как гласит то же официальное донесение, «другой молодой человек с черными усами в длинном синем пальто и черной пуховой круглой шляпе выстрелил в Макарова, но не попал, и затем оба убийцы вскочили на стоявшие в Итальянской, вероятно, их собственные дрожки, запряженные вороной лошастью; на козлах сидел молодой кучер с черными усами без бороды. Сев на дрожки, злоумышленники понеслись по Малой садовой и скрылись из виду».

Как оказалось, тяжелый нож всадил в Мезенцова Сергей Кравчинский, который вскоре эмигрировал, под псевдонимом Степняк выпустил за границей несколько книг о русской революции. Именно они принесли ему европейскую известность. В одной из них Сергей Михайлович Степняк-Кравчинский (1851–1895) вспомнил Достоевского: «Единственные талантливые люди, которых она (реакция. — Н.Б.) закрепила за собой... — Достоевский в художественной литературе и Катков в журналистике — оба ренегаты революционного дела».

По поводу оценок деятельности М.Н. Каткова мнение литературных критиков однозначно: редактор «Русского вестника», в котором Ф.М. Достоевский впервые напечатал «Братьев Карамазовых», никогда не принадлежал к «революционному делу». Упрекая Достоевского в «ренегатстве», Степняк-Кравчинский, видимо, позабыл, что пережил Федор Михайлович, стоя на эшафоте в 1849 году: по делу «петрашевцев» он был приговорен к смертной казни, помилован и сослан на четырехлетнюю каторгу, служил рядовым, в 1859 году вернулся в Петербург и создал один из лучших романов о трагических судьбах и достоинстве человека на каторге — «Записки из Мертвого дома». Затем из-под пера Достоевского вышли романы «Униженные и оскорбленные», «Преступление и наказание», «Идиот» и наконец «Братья Карамазовы». «Дневник писателя», над подготовкой которого к печати отдельной книгой Достоевский работал в январе 1881 года, вышел 31 января, в день его похорон.

Степняк-Кравчинский, чудом избежав виселицы, переживет автора «Братьев Карамазовых». В 1895 году он погибнет случайно под колесами пригородного лондонского поезда.

«Молодым кучером с черными усами без бороды» оказался, как установила полиция, Андриан Михайлов. Через два года его поймают и осудят. Процесом над Андрианом Михайловым, который состоялся накануне Пушкинского праздника, остро интересовался Достоевский.

8 июня 1880 года в Москве состоялось открытие памятнику А.С. Пушкину. Деньги на него собирались всем миром. Достоевский был на открытии памятника и произнес свою ставшую знаменитой Пушкинскую речь. Она продолжалась около 45 минут. Споры о ней до сих не затихают, хотя со дня ее произнесения прошло более 130 лет.

В августе 1878 года, то есть за 2,5 года до ареста Алафузова (Баранникова), редактор журнала «Гражданин» В.Ф. Пуцыкович писал Достоевскому: «От статей, печатающихся во всех газетах... об убийстве Мезенцова, мне делается тошно! Я понял все статьи так: если Вы хотите, чтобы мы помогли Вам, т. е. правительству... то дайте русскому народу конституцию!!! Вот голос печати».

Достоевский, видимо, и предположить не мог, что его соседом окажется участник убийства шефа жандармов и начальника III Отделения генерал-лейтенант Мезенцова. Да и знал ли он его вообще? Исследователей жизни и творчества писателя всегда занимал этот факт, ведь соседом Достоевского Алафузов (Баранников) оставался почти три месяца: ноябрь, декабрь 1880 года и январь 1881 года.

Алафузов (Баранников) поселился в квартире № 10 дома 5/2 на углу Ямской улицы и Кузнечного переулка, как показала на допросе хозяйка квартиры М.Н. Прибылова: «Алафузов прожил в квартире моей, занимая комнату № 1, со 2-го ноября прошлого 1880 года по день своего ареста, т. е. до 26 января настоящего года».

Крестьянка Василиса Бомбина, жившая «в услужении у г-жи Прибыловой», на вопрос об образе жизни Алафузова показала: «Из дома уходил рано, часов в 9, и возвращался лишь к вечеру. Ничего особенного в жизни его я не замечала».

Знал ли Достоевский о том, чем занимался его сосед, какой ведет образ жизни, кто ходит к нему на квартиру? Их квартиры расположены на площадке дверь в дверь. Известный исследователь XX столетия, литературовед В.Б. Шкловский (1893–1984) в своей книге «За и против» предположил, что «смерть жильца квартиры номер десять так или иначе связана с арестом Баранникова». Но это предположение Виктора Борисовича так и осталось предположением: высказанная им версия не получила дальнейшего развития. В мемуарной литературе народовольцев имена Достоевского и Баранникова (Алафузова) упоминаются рядом лишь один раз.

«Как-то ночью, — писал член Исполкома «Народной воли» М.Ф. Фроленко (1848–1938), — они шли еще с кем-то, и их поразила тишина, пустота улиц недалеко от квартиры Баранникова, и на прощание с ним они все посмеялись над страхами шпионов, боязнию слежки. На них напало то же спокойствие, уверенность в своей безопасности. В эту же ночь Баранников был арестован. Жил он на квартире Ф.М. Достоевского, и его спокойствие отчасти и в этом обстоятельстве находило себе поддержку».

Как мы только что выяснили, Баранников никогда не жил в квартире Достоевского, а под именем Алафузова снимал комнату в квартире № 11, хозяйкой которой являлась М. Н. Прибылова. И в ночь с 25 на 26 января 1881 года Михаил Федорович Фроленко не мог идти с друзьями и Баранниковым недалеко от дома 5/2 на углу Ямской улицы и Кузнечного переулка. Баранников (Алафузов) был арестован утром 25 января.

В полицейских протоколах ареста, допроса Алафузова (Баранникова) и обыска снимаемой им квартиры ни разу имя Достоевского не упоминается. В понятые никого из семейства Достоевских полиция не приглашала. В подписанном протоколе обыска фигурируют лишь имена и фамилии двух дворников. Это дворник Яков при доме по Кузнечному переулку д. № 9 (именно рядом с его именем написано: «понятой»), а второй указан просто как дворник Трофим Скрипин при доме № 5/2 на углу Кузнечного переулка и Ямской улицы.

Сам Алафузов (Баранников), отвечая, как на первом (25 января) так и на втором (26 января) допросе имя Достоевского тоже не назвал. А мог бы сослаться, что, дескать, его личность может удостоверить известный российский писатель Федор Михайлович Достоевский. Алафузов (Баранников) не мог не знать, кто живет в десятой квартире. Медная табличка с именем, отчеством и фамилией жильца постоянно висела на двери квартиры № 10. И Алафузов (Баранников) видел ее как минимум дважды в день, когда уходил утром из квартиры № 11 и когда возвращался в нее вечером. Трудно допустить, что за три месяца всероссийская известность и молодой, всегда со вкусом и по моде одетый сосед с восточными чертами лица не встретились на лестничной площадке.

В 1933 году В.Б. Шкловский издал впервые повесть «Сомнения Федора Достоевского». В ней Виктор Борисович не удержался от соблазна нарисовать захватывающую картину: поздно ночью жандармы стучат в квартиру Достоевского. Открыв дверь, Достоевский видит жандармов, владелицу соседней квартиры, двоих дворников и еще молодого человека... Писатель, увидев жандармов, подумал, что пришли за ним. Представившись, майор Кузьмин успокаивает Федора Михайловича и просит его оказать честь быть понятым при обыске в соседней квартире. Достоевский нехотя соглашается; он сильно взволнован, и у него открывается кровотечение...

Версия занимательная. В тридцатые годы она вполне могла считаться достоверной. Лишь через полвека исследователями был обнаружен архивный документ «Протокол № 83», который пролил свет на события той январской ночи.

В донесении начальника Секретного отделения Фурсова, находившегося в подчинении Санкт-Петербургского градоначальника, обращает на себя внимание ссылка «как это известно лично г. Начальнику С.-Петербургского Губернского Жандармского Управления». В «Протоколе № 83» записано, что обыск в квартире № 11 дома № 2-5 на углу Кузнечного переулка и Ямской улицы произведен «вследствие предписания Начальника С.-Петербургского Губернского Жандармского Управления». Но ни разу ни в одном документе не названа фамилия этого всеильного начальника.

Имя этого человека Александр Владимирович Комаров. В настоящее время он абсолютно забыт. Его имени нет и в информации о самых известных царских жандармах. Бессонов есть, а Комарова нет. О Бессонове (Безсонове) Владимире Александровиче (1842-?) известно, что он получил образование во 2-м Московском кадетском корпусе, в Отдельном корпусе жандармов. С 1875 года он — адъютант губернского жандармского управления; с 1883-го — старший адъютант штаба Отдельного корпуса жандармов; с 1892-го — начальник губернского жандармского управления; с 20 июня 1904 года по декабрь 1905 года — начальник С.-Петербургского губернского жандармского управления. Но к ночным событиям 26 января 1881 года Бессонов никакого отношения не имел, хотя к этому времени и состоял на службе в губернском жандармском управлении. А о Комарове таких биографических сведений нет.

В последнее время появился ряд новых исследований о том, что в государственном перевороте 1881 года А. В. Комарову пришлось играть одну из первых ролей. Этот человек с 1878 по 1881 годы занимал должность начальника С.-Петербургского губернского жандармского управления (в те годы оно располагалось в одном доме с канцелярией градоначальника на улице Гороховой, 2).

Обладая несомненным талантом в области политического сыска, в достаточно короткое время ему удалось создать хорошо законспирированную агентуру из числа лиц, проходивших по «большому процессу» 1877 года и завербованных Третьим отделением еще в период следствия. К середине 1879 года — времени создания «Народной воли» — Комаров посредством своей агентуры контролировал практически все революционное подполье Петербурга и Москвы.

После покушения последнего террориста-одиночки Соловьева 2 апреля 1879 года Комаров принимает решение о создании «карманной» и абсолютно «прозрачной»

для своего ведомства террористической организации. Цель его действий очевидно — собрать посредством своих агентов всех активных противников режима в одну структуру и в удобный для себя момент разом покончить с крамоллой и заслужить высокую Монаршую награду.

В истории с соседом Достоевского, как показало дальнейшее развитие событий, Комарову удалось через Лорис-Меликова убедить Александра II, что арестом Баранникова (Алафузова) он упредил действия террористов. «Считаю результат этот весьма важным», — начертал на докладе Александр II, тем самым подписав себе приговор. 1 марта 1881 года Комаров руками народовольцев совершит покушение на Александра II.

Уже позднее исследователи столкнутся с тем, что в «деле Баранникова» не окажется пресловутого «предписания Начальника С.-Петербургского Губернского Жандармского Управления от 25 января 1881 года за № 180». Более того, выяснится, что решение об обыске на квартире Алафузова выносилось трижды: Секретным отделением градоначальника, начальником С.-Петербургского губернского жандармского управления и следователем по этому делу. Так что, будь что-то не так — и спрашивать не с кого. Комаров умел «заметать» следы.

А какие события происходили 25 и 26 января 1881 года в квартире Ф.М. Достоевского? В дневниковой записи Анны Григорьевны, относящейся к 25 января 1881 года, читаем: «Вечером ходил гулять, а затем...» Исследователям удалось расшифровать стенографические знаки, но в них нет и намёка на события, происходившие в квартире № 11. В «Воспоминаниях» А.Г. Достоевской говорится о том, что в ночь с 25 на 26 января писатель отодвинул тяжелую этажерку, чтобы достать упавшую за нее вставку с пером.

«...вставкой этой он очень дорожил, — вспоминала Анна Григорьевна, — так как, кроме писания, она служила ему для набивки папирос); чтобы достать вставку, Федор Михайлович отодвинул этажерку. Очевидно, вещь была тяжелая, и Федору Михайловичу пришлось сделать усилие, от которого внезапно порвалась легочная артерия и пошла горлом кровь; но так как крови вышло незначительное количество, то муж не придал этому обстоятельству никакого значения и даже меня не захотел беспокоить ночью. Я страшно встревожилась и, не говоря ничего Федору Михайловичу, послала нашего мальчика Петра к доктору Я.Б. фон Бретцелю, который постоянно лечил мужа, просить его немедленно приехать. На несчастие, тот уже успел уехать к больным и мог приехать только после пяти».

В черновиках Анна Григорьевна утверждала, что Федор Михайлович поднял тяжелый стул. Потом вписывает, что он хотел достать перо, упавшее за этажерку.

Окончательно в «Воспоминаниях» напечатано: «Очевидно, вещь была тяжелая, и Федору Михайловичу пришлось сделать усилие, от которого внезапно порвалась легочная артерия и пошла горлом кровь...» В первой «Биографии...» писателя утверждалось, что кровь шла из носа.

Типографский наборщик М.А. Александров, рассказывая о встречах с Ф. М. Достоевским в 1872–1881 годах, так описал последние дни жизни писателя: «26-го января 1881 года я виделся с метранпажем, верставшим возобновившийся «Дневник писателя», и от него узнал, что Федор Михайлович болен; на распросы мои о степени болезни, а также о ходе дела он рассказал мне, что когда он за день до того был у Федора Михайловича, то тот принял его лежа в постели... “Ну, что скажете, барин?”, — спросил Федор Михайлович, прозвавший в шутку своего нового метранпажа “баринном” и не оставлявший этой шутки на одре болезни».

Метранпаж ответил, что пришел переговорить о заключении 1-го выпуска «Дневника писателя», ввиду приближавшегося срока выхода его в свет.

— А я вот заболел... видите...

— Вижу, Федор Михайлович... Что же с вами случилось?

— У меня кровь из горла идет; доктор говорит, что у меня где-то внутри жилка порвалась и из нее-то течет кровь... уж две горюшки, говорят, вытекло.

После я узнал, что заболел Федор Михайлович 26-го января от разрыва артерий в легких, вследствие чего открылось кровотечение горлом, — болезнь, не особенно опасная для организма более крепкого и менее нервного; на другой день он исповедался и причастился и, почувствовав значительное облегчение, между прочим, занимался чтением корректур 1-го выпуска своего «Дневника», долженствовавшего выйти в свет по-прежнему в последнее число оканчивавшегося месяца; но увидеть этот выпуск начисто отпечатанным ему было не суждено: 28-го января положение его ухудшилось, и в тот же день он тихо, постепенно слабая от истечения крови, скончался...»

Выходит, метранпаж посетил Достоевского 25 января, и писатель был уже болен. Анна Григорьевна же утверждает, что заболел Федор Михайлович в ночь с 25 на 26 января.

На следующий день, 26 января, подполковник А. Никольский в присутствии товарища прокурора Добржинского приступил ко второму допросу задержанного. Никольский уточняет, сколько Алафузову лет. «26», — отвечает Алафузов (Баранников). На вопрос о месте рождения и месте постоянного жительства сообщает, что он «Потомственный Почетный Гражданин города Ставрополя», там, дескать, и ныне обитают его родители, «получающие средства к жизни от собственных нефтяных промыслов», а он, их сын, разъезжает «по торговым делам».

Алафузовы — известная в Ставрополе фамилия. Основоположник ставропольской ветви алафузовского рода Иван Антонович Алафузов, как свидетельствуют документы Государственного архива Ставропольского края, приехал в Россию «без письменного вида по случаю возмущения греков против турецкого правительства». Из «Ведомости иностранца, принявшего Присягу подданства Российскому престолу» узнаем, что Иван Антонов сын Алафузов — грек по происхождению, уроженец из Архипелагского острова Сантарио — прибыл «к Таганрогскому порту к родственникам» в октябре 1827 года. В том же году обосновался на жительство в Ставрополе — городе, который лежал на пути, по которому шли и пешие и конные, и военные и гражданские, и торговые и простой люд... Всех манил Кавказ.

За довольно короткий срок имя Алафузова широко стало известно горожанам. Об этом свидетельствует ходатайство начальника Кавказской области Г.А. Еммануеля, направленное Главнокомандующему войсками на Кавказе И.Ф. Паскевичу, о награждении купцов Чернова и Алафузова: «В 1827, 1828 годах по городу Ставрополю приведено много построек служащих к общественной пользе и приведенных сегодня в лучшее против прежнего благоустройство... Таковое улучшение устройства города в разных частях справедливо доверено отнести к заботе и попечению сего города гражданина головы бывшего в 1827 г. купца Чернова, в 1828 году купца 3-й гильдии Алафузова, ибо они по ходу служения своего по выбору общества соединили в себе отличную честность гражданина, всячески способствуя благоустройству города, заслужили признательность начальством. Прошу Ваше сиятельство о награждении трудов их к благоустройству города от всемилостивейшего Государя императора «Золотой медалью на Аннинской ленте...»

В приложенном к ходатайству реестре построек, выполненных в 1828 году на средства купца Алафузова, кроме новых казенных и частных, указано много починенных зданий.

В 1835 году Иван Антонович числится еще купцом 3-й гильдии, а в 1860 году становится купцом 1-й гильдии и Почетным гражданином города Ставрополя. У него пятеро сыновей Иван (родился 31 ноября 1840 г.), Николай (31 ноября 1841 г.), Георгий (3 июня 1854 г.), Леонид (10 сентября 1869 г.), Антон (15 июня 1870 г.), которые с большим успехом продолжают начатую отцом предпринимательскую деятельность. Они построили в Ставрополе несколько доходных домов с магазинами на первом

этаже, мукомольную мельницу, три винокуренных завода, пивоварню, открыли на базаре торговые лавки, вели обширную торговлю в крупных городах России. В Санкт-Петербурге Алафузовы приобрели суконную фабрику. К 80-м годам XIX века род купцов Алафузовых входил в сто наиболее известных купцов и промышленников Ставрополя. Сведений о «собственных нефтяных промыслах» Алафузовых в архиве не обнаружено. Природный газ в Ставрополе откроет владелец пивоваренного завода Антон Груби 15(28) февраля 1910 года, промышленную нефть в восточных полупустынных районах Ставрополя обнаружат еще позднее — 23 июля 1953 года.

Среди сыновей Ивана Антоновича Алафузова самый, пожалуй, известный — Николай, местный Третьяков. Получив от отца значительный капитал, он увлекся живописью: много путешествовал по России, европейским странам, где приобретал картины известных мастеров и предметы прикладного искусства. По преданию, коллекция была настолько огромна, что старший брат Иван предложил Николаю разместить ее на втором этаже особняка, построенном им в 1880 году на улице Воронцовской (ныне пр. Октябрьской революции, 21. — *Н.Б.*). Точных сведений о составе алафузовской коллекции не сохранилось. О ней можно судить лишь по отдельным воспоминаниям современников Алафузовых. Так, известный исследователь прошлого Г.Н. Прозрителев вспоминал: «В доме Алафузовых была устроена прекрасная художественная галерея, где демонстрировались полотна известных мастеров России и Европы...»

Художественную галерею Алафузовых мог видеть лишь узкий круг лиц. Только в особо торжественных случаях ее посещали учащиеся гимназий и училищ Ставрополя. Лишь однажды, в 1899 году, в здании, где в прошлом находился дом командующего войсками Кавказской линии, по ходатайству Общества содействия воспитанию и защиты детей была открыта выставка, на которой алафузовское художественное собрание увидели практически все жители губернского города. На выставке были представлены изделия из серебра, фарфора, холодное оружие, полотна И. Айвазовского, О.А. Гофмана, Ю.Я. Лемана, А.И. Мещерского, Л.Ф. Лагорио, Ш. Перона, К. Ровелли, А.Н. Шильдера, Н.Г. Чернецова (его картина «Дарьяльское ущелье» висела в кабинете А.С. Пушкина в доме на набережной Мойки, 12 в Санкт-Петербурге. — *Н.Б.*). Посетители увидели неизвестно как попавшие к Николаю Алафузову письма Пушкина, Жуковского, Вяземского, Ивана Панаева.

В двадцатых годах XX столетия дом Ивана Алафузова был разграблен, погибла большая часть уникального собрания. Уцелевшая часть коллекции картин (а это 21 полотно. — *Н.Б.*), собранная Николаем Алафузовым, составляет сегодня гордость и славу Ставропольского краевого музея изобразительного искусства.

Но нас интересует Георгий — третий сын Ивана Антоновича Алафузова. На день принятия решения Ставропольской городской управой 24 марта 1876 года о выдаче «Свидетельства на жительство как Потомственному Почетному Гражданину города Ставрополя» Георгию Ивановичу Алафузову шел 22-й год. А на день ареста Алафузова (Баранникова), при котором было обнаружено Свидетельство на жительство, настоящему Алафузову шел 26-й год. Это был успешный предприниматель своего времени, и он, действительно, разъезжал «по торговым делам».

В «Журнале входящим и исходящим бумагам помощника Начальника Ставропольского жандармского управления в городе Владикавказе» за 1881 год не зарегистрировано писем или запросов из Санкт-Петербургского губернского жандармского управления по поводу установления личности Алафузова Георгия Ивановича. Возможно, его и не было. Но, учитывая, как работал политический сыск России того времени, не исключено, что такой запрос мог быть. В фонде «Помощника начальника Терского областного жандармского управления в городе Ставрополе Ставропольской губернии» сохранились запросы за 1881 год из Орловского губернского жандармского управления от 10 января, из Херсонского жандармского управления от 12 января, пред-

писание начальника управления от 28 января «О порядке производства дозваний по Государственным управникам и печатные инструкции для низших чинов, сопровождающих арестованных лиц».

В фонде купцов Алафузовых хранится деловая переписка, в частности, об отводе Ивану Антоновичу Алафузову, отцу Георгия, «места под постройку винокуренного завода», «на отдачу в вечное потомственное владение городского пустопорожного места, находящегося вблизи общественного винного подвала у речки Мутнянки»... В революционных делах семейство Алафузовых не замечено. Можно предположить, что Иван Антонович Алафузов и не знал о том, что в Санкт-Петербурге кто-то воспользовался документом его сына и какие страсти кипели в последние дни января в столице Российской Империи вокруг его фамилии.

Вернемся к событиям 26 января. Алафузов (Баранников) ничего не знает о показаниях заключенного Ивана Окладского и потому на допросе продолжает утверждать, что он никого не знает в Петербурге, что приехал в столицу «вслед за своей невестой, с которой хотел провести в этом городе зиму». На вопрос: «Семейное положение?» Алафузов (Баранников) отвечает: «Холост». Хотя, как выяснится позднее, задержанный Алафузов (Баранников) под фамилией Кошурникова обвенчался в 1879 году с Марией Николаевной Ошаниной (Оловенниковой). Как установит подполковник А. Никольский, она тоже входила в Исполнительный комитет «Народной воли». А. Никольский принимает условия игры, затеянной Алафузовым (Баранниковым). При обыске у него обнаружена серебряная чайная ложечка с вензелем «М.О.» и надетым на нее золотым обручальным кольцом, что свидетельствовало о непродолжительном союзе с таинственной дамой, скорее всего, с Марией Ошаниной (Оловенниковой). «Бывали ли за границей?», — спрашивает А. Никольский. Алафузов (Баранников) отвечает: «Нет, не был». Позднее на следствии выяснится, что молодой человек, назвавшийся Алафузовым, в 1877 году оказался в Черногории, народ которой вел неравную борьбу с турками за свое освобождение, и сражался на стороне восставших как русский доброволец. В протоколах записано, что он отправился в Черногорию с целью «ознакомиться поближе с условиями борьбы мелких партизанских отрядов с регулярными войсками и приобретенные там познания употребить с пользою в минуту народного восстания на родине». Достоевский тоже пристально следил и горячо поддерживал в «Дневнике писателя» освободительное движение в Черногории.

А в это время в Секретное отделение доставляют неизвестного мужчину, задержанного околоточным надзирателем Яковлевым и допрошенным полицейским приставом Надеждиным. Алафузов (Баранников) еще не знает об этом.

На допросе в Секретном отделении выяснится, что неизвестный мужчина явился в квартиру, снимаемую Алафузовым (Баранниковым), 26 января около четырех часов пополудни и что его настоящее имя Николай Колодкевич. Это был член Исполнительного комитета «Народной воли». При Колодкевиче, как записано в протоколе его обыска, обнаружено двадцать пять наименований различных предметов. Среди них: Устав «Народной воли», Программа Исполнительного комитета, служебные бланки «с печатью и подписью должностных лиц», рукопись «Общие начала организации местной и центральной группы», записная книжка с адресами и различными заметками, которые заключали «сведения об изготовлении разных вещей для стопаина, гремучего студня, гремучей ртути, а также таблица удельного веса динамитов разного состава».

Странно: для чего, зачем Колодкевич взял с собой столь опасный набор вещественных доказательств существования «Народной воли»? Неужели только для того, что сосед Достоевский — всероссийская известность, и что он мог послужить хорошим прикрытием? Но, как говорилось выше, обыск на квартире Алафузова (Баранникова) ничего не дал: она оказалась «чистой».

Что происходило 26 января в квартире № 10? Знал ли Достоевский о засаде, устроенной полицией в 11-й квартире? В «Воспоминаниях» Анны Григорьевны говорится,

что «час в три» ее мужа посетил господин, взволновавший спором о «Дневнике писателя», а ушел «около пяти часов», после чего случился первый серьезный приступ болезни. Ранее говорилось, что «кровь пошла горлом после полуночи». Утром писателя, лежавшим в постели, застал метранпаж. В «Биографии...» состояние здоровья Достоевского описано более точно: «В 4 часа пополудни сделалось первое кровотечение горлом». Итак, первые признаки болезни у Достоевского проявились в часы обыска 11-й квартиры, второй приступ случился после ухода какого-то господина и ареста Николая Колодкевича.

На следующий день 27 января министр внутренних дел России граф М.Т. Лорис-Меликов пишет Александру II: «В дополнение к всеподданнейшей записке моей, долгом считаю долгом доложить Вашему Императорскому Величеству, что вчерашнего числа в квартире Агатекулова (в действительности Фриденсона) на Казанской улице, дом № 38 задержан снова под фамилией Сабанеева давно разыскиваемый студент Киевского университета Николай Колодкевич, в чем он уже и сознался. Колодкевич известен по производящимся делам, как деятельный член “Исполнительного комитета”». На рапорте министра Александр II напишет: «Браво!».

Правда, донесение Михаила Тариеловича до сих пор вызывает недоумение: министр солгал своему Государю! Упомянутый Колодкевич в действительности арестован не на квартире Фриденсона, а на квартире Алафузова (Баранникова). Неужели и министр, зная о доброжелательном расположении к Достоевскому цесаревича и его супруги, уводит подозрения от писателя? В. Шкловский предположил, что адрес квартиры Баранникова остался «секретом III Отделения» (видимо, Департамента государственной полиции, ибо III Отделения к тому времени уже не существовало: Александр II подписал Указ о его ликвидации 6 августа 1880 года. — Н.Б.). Жандармы «боялись неожиданности компрометантного свойства», поэтому указанный адрес и был удален «из оглашаемых документов».

Все возможно, особенно если учесть, что через два дня после кончины Достоевского 30 января на дневную панихиду в Кузнечный переулочок приехал начальник Главного управления по делам печати гофмейстер Н.С. Абаза и вручил вдове писателя документ следующего содержания:

«Милостивая государыня Анна Григорьевна!
Государь Император в 30-й день сего января Всемилостивейше повелеть соизволил:
во внимание услуг, оказанных покойным супругом Вашим русской литературе, в которой он занимал одно из самых почетных мест, производить Вам, Милостивая Государыня, нераздельно с детьми, пенсию в размере двух тысяч рублей в год.

Прошу Вас принять уверения в совершенном почтении и искренней преданности
А. Абаза.
30 января 1881 г.»

Письмо подписал министр финансов А. Абаза, родственник Н.С. Абазы. Решение, конечно, беспрецедентное. Пенсии назначались лишь вдовам Пушкина и Карамзина, но они оба состояли на государственной службе. Достоевский стал первым писателем, чьи литературные заслуги признавались на самом высоком уровне, так сказать, без учета государственных деяний.

От арестов, произведенных полицией 25 и 26 января, потянулась целая цепочка провалов, которая сильно обескровила «Народную волю» накануне убийства Александра II 1 марта.

На допросах Алафузов (Баранников) немногословен. И на вопросах о лицах, посещавших его на квартире № 11 в доме № 5-2 по Кузнечному переулочку и Ямской улицы, продолжает утверждать, что он никого в Санкт-Петербурге не знает.

Полиция по-прежнему не снимает наблюдения за квартирой № 11 в доме, где лежит смертельно больной Достоевский.

День 27 января в квартире № 10 прошел относительно спокойно. Дочь писателя вспоминала, что отец «проснулся бодрый и здоровый». Кровотечения не было. Достоевский повеселел, поговорил с детьми.

Владелец и редактор газеты «Новое время», книгопродавец Алексей Сергеевич Суворин (1834–1912) напишет схожую картину: «Весь день был весел и спокоен, шутил, говорил о будущих своих работах, говорил о своих детях, успокаивал окружающих. “Чего вы меня отпевааете? Я еще вас переживу”».

Достоевскому оставалось жить сутки. Анна Григорьевна подробно расписала последние сутки мужа: что ел, пил, кто приходил и зачем. Бытовые подробности, возможно, и незначительные, но они столь дороги были ей, что спустя годы она не могла не вспомнить о том, как поила больного мужа молоком, подавала ему хлеб с икрой, как сама ходила в магазин за виноградом (и это в январе). Вечером поднялась в квартиру этажом выше и попросила его жильца не ходить. Его вечная ходьба беспокоила Достоевского. А про квартиру № 11 ни слова, как будто и не знала, что в ней происходило.

В среду 28 января Анна Григорьевна проснулась около семи утра и увидела, что муж смотрит в ее сторону.

«— Знаешь, Аня, — Федор Михайлович говорил тихо, почти полупшепотом, — я уже три часа как не сплю и все думаю, и только теперь сознал ясно, что я сегодня умру.

Попросил Евангелие. Открыл наугад и прочитал то, что было написано на первой странице слева: “Иоанн же удерживал Его и говорил: мне надобно креститься от Тебя, и Ты ли приходишь ко мне? Но Иисус сказал ему в ответ: не удерживай, ибо так надлежит нам исполнить великую правду”.

— Ты слышишь — “не удерживай” — значит, я умру, — сказал муж и закрыл книгу».

Этого утреннего разговора Анна Григорьевна не могла забыть до конца своей жизни.

28 января в «Новом времени» А.С. Суворин опубликовал сообщение о болезни Достоевского. И пошел народ. Колокольчик у двери в квартиру № 10 постоянно звонил. Анна Григорьевна распорядилась: «Никого не пускать». Достоевскому же было приятно это внимание и сочувствие. «Любопытствовал, кто приходил, продиктовал бюллетень», — запишет Анна Григорьевна.

И все же кое-кто из посетителей попал в квартиру: поэт Аполлон Николаевич Майков и его жена, племянник писателя Михаил Михайлович Григорович, издательница «Семейных вечеров» С.С. Кашпирева, знакомый Достоевского и поклонник его творчества Покровский, племянница Е.А. Рыкачева...

В последние часы несколько раз просил Анну Григорьевну: «Зови детей».

«Я звала, — вспоминала Анна Григорьевна, — муж протягивал им губы, они целовали его и, по приказанию доктора, тотчас уходили, и Федор Михайлович провожал их печальным взором».

Феде было девять лет, Любе — одиннадцать. За два часа до кончины Достоевский распорядился передать Евангелие, подаренное ему в Сибири женами декабристов, своему младшему сыну Феде.

«Около семи часов у нас собралось много народу в гостиной и в столовой, — писала Анна Григорьевна, — и ждали Кошлакова, который около этого часа посещал нас. Вдруг без всякой видимой причины Федор Михайлович вздрогнул, слегка поднялся на диване, и полоска крови вновь окрасила его лицо. Мы стали давать Федору Михайловичу кусочки льда, но кровотечение не прекращалось. Около этого времени опять приехал Майков с своею женою, и добрая Анна Ивановна решила съездить за доктором Н.П. Черепниным. Федор Михайлович был без сознания, дети и я стояли на коленях у его изголовья и плакали, изо всех сил удерживаясь от громких рыданий, так как доктор предупредил, что последнее чувство, оставляющее человека, это слух, и

всякое нарушение тишины может замедлить агонию и prolongировать страдания умирающего. Я держала руку мужа в своей руке и чувствовала, что пульс его бьется все слабее и слабее. В восемь часов тридцать восемь минут вечера Федор Михайлович отошел в вечность. Приехавший доктор Н.П. Черепнин мог только уловить последние биения его сердца».

В тот же день, 28 января, на квартире Николая Колодкевича арестовали драгоценного агента народовольцев Николая Клеточникова: он служил в Департаменте полиции, и с конца 1878 года в течение двух лет передавал секретные сведения руководителю «Народной воли» А. Михайлову.

Михайлов самым тщательным образом оберегал свой источник информации, и лишь немногие революционеры имели доступ к Клеточникову. Он был причастен к высшим тайнам полиции, и этим обстоятельством народовольцы успешно пользовались. Практически жандармам удавались только случайные аресты, а долговременные акции заканчивались неизменным провалом. Среди поставляемой информации Клеточников передал народовольцам сведения о шифре многоалфавитной замены, использовавшемся III отделением и корпусом жандармов, и о ключе к нему. В августе 1880 года Клеточников на несколько дней был допущен начальством для шифровки секретных телеграмм. Этот факт впоследствии был специально отмечен в материалах «процесса 20 народовольцев», по которому проходили Михайлов с Клеточниковым.

На следующий день, 29 января, там же, на квартире Колодкевича, в засаду попал Лев Златопольский — разработчик шифровой системы народовольцев.

Знал ли о смерти своего великого соседа Баранников, по-прежнему утверждавший, что он Алафузов? В ожидании суда Баранников провел в Петропавловской крепости более года — и ни в одном из писем он ни разу не обмолвился о Достоевском.

9 февраля 1881 года полиция вновь побывала в доме № 2-5 на углу Кузнечного переулка и Ямской улицы. И потребовала для осмотра домовую книгу дома.

В протоколе сказано: «...Причем, оказалось в отделе под буквою А на обороте 8-го листа имеется 2-ая статья следующего содержания: Алафузов Георгий Иванович, сын Ставропольского Потомственного Почетного Гражданина 28 лет (не 26, как следует из протоколов допроса. — Н.Б.), православный, прибыл 10 ноября 1880 года из 1-го участка Спасской части из дома № 66/21 по Невскому проспекту кв. № 39 в квартиру № 11 названного выше дома... 26 января 1881 года значит выбывшим под арест».

На следующий день, 10 февраля, заключенному в Петропавловскую крепость Ставропольскому Потомственному Почетному Гражданину Г.И. Алафузову Санкт-Петербургское Губернское Жандармское Управление устроит свидание с Елизаветой Ивановной Баранниковой, доставленной из города Путивля Курской губернии. После минутного колебания он признает в ней свою родную мать. Круг замкнулся: Алафузов стал Баранниковым. Полиция торжествовала: в ее сети попался член Исполкома «Народной воли», участник покушения на генерала Мезенцова, делегат воронежского и липецкого съездов «Земли и воли», подрывник царского поезда, организатор поджога на Малой Садовой, по которой часто проезжал Государь Император...

После свидания с матерью Баранников, называвший себя Алафузовым, два дня отказывался от допросов. Он не желал видеть ни подполковника, ни прокурора. Он не выходил на прогулку и почти не притрагивался к пище.

На третий день он потребовал бумаги и чернил.

— Кажется, мы одумались? — заботливо осведомился Никольский. И прибавил, не дожидаясь ответа: — Дальнейшее заpiresательство нелепо.

Баранников, называвший себя Алафузовым, смотрел мимо него.

— Прекрасно, — сказал подполковник. — Надеюсь на вашу полную откровенность. Заключенному принесли стопку бумаги, перо, чернила...

27 февраля 1881 года в полицейскую засаду попал руководитель «Народной воли» А. Желябов. При аресте полиция обнаружила среди находившихся при нем бумаг два

листка, исписанных цифровым шифром. Естественно, давать какие-либо пояснения по поводу обнаруженных у него документов Желябов не пожелал.

Казалось, «Народная воля» была разгромлена. Но 1 марта 1881 года в центре Санкт-Петербурга народовольцы Рысаков и Гриневицкий смертельно ранили императора Александра II. Первую бомбу метнул студент Николай Рысаков. Взрыв, произведенный ею, разворотил царскую карету, убил лошадей, не причинив императору ощутимого вреда. Но попытка переговорить лично с террористом прямо на месте взрыва стоила царю жизни. Другой народоволец Игнатий Гриневицкий кинул царю под ноги еще одну бомбу. Взрыв оказался смертелен для Александра II, его убийцы, нескольких охранников и случайных прохожих.

Вслед за убийством Александра II начался разгром революционеров — для правоохранительных органов стало делом чести отомстить за гибель императора. 10 марта в руках жандармов оказывается Софья Перовская — непосредственный организатор недавнего покушения. При ней обнаружили «листки бумаги с цифрами (по-видимому, шифром)». Но, как и ранее Желябов, никаких объяснений Перовская не дает. Тем не менее, менее чем через двое суток записки Желябова и Перовской были расшифрованы жандармами.

Убийство Александра II стало пиком деятельности народовольцев, после чего организация фактически прекратила существование. 3 апреля 1881 года были казнены 5 народовольцев, среди которых С. Перовская и А. Желябов, многие другие отправлены на каторгу.

Баранников проходил по другому делу. Его судили годом позже — по делу «20-ти террористов» — и приговорили к вечной каторге. Александр III сократил этот срок до двадцати лет. «Приговор, — как писал сам Баранников, — раздавил его». 6 августа 1883 года он скончался в Петропавловской крепости — от скоротечной чахотки. Такова судьба человека, который оказался по воле судьбы соседом великого русского писателя Федора Михайловича Достоевского.

Прошло 130 лет со дня ареста Александра Баранникова, но до сих так и не удалось выяснить, откуда ему были известны подробности биографии семейства Алафузовых. Как к нему попало Свидетельство на жительство, выданное как «Потомственному Почетному Гражданину на имя Георгия Иванова Алафузова из Ставропольской Городской Управы от 24 марта 1876 года за № 1146», тоже осталось загадкой.

В 1935 году в Москве вышла книга «Народовец А.И. Баранников в его письмах», но в них тоже нет ответа на эти вопросы.

* * *

Алафузовы оставили в истории города Ставрополя огромный след. Эту фамилию в городе знает каждый образованный человек! В Ставропольской краевой универсальной научной библиотеке имени М. Ю. Лермонтова собраны материалы о роде Алафузовых. Недавно издана книга о роде Алафузовых. Они были купцами, меценатами, собирателями картин. Ставропольский художественный музей начинался с коллекции, собранной Николаем Алафузовым. Недавно восстановлена пивоварня купца Алафузова. Есть в Ставрополе и улица Достоевского. Но мало кто знает, как эти две фамилии оказались вместе связанными.

